

Реснички / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Реснички / рассказ РЕСНИЧКИ

Из желтых домов доносились вопли. Колючка по периметру, «реснички» на небольших окошках. С внешней стороны – серая обрызглая стена, со двора – серая обоссанная.

Молоденький конвоир смотрел в камеру и ломаной зубочисткой счищал с ногтей куриную кожицу. Он слушал вопли роженицы и сам периодически постанывал, когда деревянный кончик соскальзывал и зацеплял заусеницы.

Вскоре, когда «мамочка» разродится, он собирался запихнуть ее в автозак и вернуть в общую камеру. Затем взять следующую и проделать все то же самое: надеть на нее наручники, пристегнуть к гинекологическому креслу и уйти обратно к себе в будку слушать очередные вопли и доедать курицу.

Еще год назад Степашка вскрывал животы лягушам. В маленькой лаборатории он расправлял им конечности, погружал в ванночку и, оттянув пинцетом брюхо, надрезал его скальпелем. А теперь он, выпускник института, стал врачом медчасти колонии строгого и особого режима.

Успели побывать у него всякие: и с ожогами на пол рожи, и те, кто «пытался косить» от работы, запихнув в глотку толстенный гвоздь. Степаша научился оперировать и тех и других, прощаться и с теми, и с другими.

В то утро Степаша приехал на работу поздно. По дороге его догнал серый автозак с обгаженным кузовом, с комами грязи по всему его периметру и толстенными от глины колесами. Тут же из машины вылез высокий конвоир. Потирая глаза, он тащил очередную роженицу. «Давай, мамочка, иди уже!», – тощая, да к тому же в своем длинном зеленом плаще, Ира походила на саранчу. Согнутые в коленях сухощавые ноги запинались о землю, разгибались и вышагивали вперед. – «Давай!».

- Степан Степаныч, вот эта сразу из бани.
- Веди-веди.
- Вытащили ее с душа и к вам сразу.
- Веди, говорю.

Баня здесь была занятием долгожданным. Громкое объявление сгоняло в табун всех зеков, гнало их по длинным коридорам, затем раздевало до гола и вталкивало под кипяток. Тошнотный, мерзкий запах растекался по всей душевой, а затем по полу начинали скользить бурые обмылки. Эти моменты можно было сравнить с перерождением и новой жизнью. Пускай недолгой, всего в двадцать минут, но после такого не жалко было и умереть.

Хрустнул замок, Степашка застыл в ожидании. Ира стянула плащ, затем развязала узел, сняла шаль, съежилась и присела на стул.

– Гражданин начальник, я не успела домыться, холодной не было, а тут еще эти схватки...

– К чему это вы?

– Грязная. Грязная я. Одежда вся...

Не успев закончить фразу, Ира скрючилась и застонала.

– Дышите, мамочка, глубоко дышите.

Лязганье шпингалетов предупредило приход конвоира. В комнату вошел высокий человек, шустро потирая макушку, он что-то бубнил и глядел в пол.

– Вы, это, Степан Степаныч, вы позовите меня потом, кликните. А то я тут отошел на минутку. Она ж долго тут будет: пока разродится, пока чо...

– Позову.

– Ой, вонь какая от нее. Парашей за километр прет.

Ира крепко сжала колени и уставилась на доктора.

– Иди отсюда, сказал, позову. А ты ложись давай на кушетку, как звать, живот когда опустился?

– Ирина. Два дня назад. Вы верьте мне, я-то знаю, я рожала уже.

Через двадцать часов, когда Степашка мастерски извлек предлежащего плечиком младенца и избавился от последа, Ира выпрямила сухощавые ноги и потянулась к доктору.

– Дайте, я буду кормить сыночка.

Степаша взял младенчика на руки и стал мерно, в такт каждому слову, его укачивать.

– Не положено, мамочка. Ради Бога простите, но не положено. Сейчас конвоир за вами явится, мне его уже звать надо.

– Дайте мне его! Дайте мне сына!

– Тихо! На минутку. Быстро. Покормить все равно не успеешь, поддержи хоть.

Первое, что увидела Ира, полгода назад прибыв в камеру – железные чаны с объедками. На донышках копошение и вьющиеся хвосты крыс, огибающие окружность дна.

Их ежедневно привозили на скрипучей тележке, она катилась по продолу и оставляла их вместе с баландой. Затем тележка пустела и медленно, будто с больным и натужным хрипом, двигалась на свободу.

Для тех, кто сидел здесь уже не первый год, возня эта, скрип и даже решетки стали привычными. Им хватило желтой «царапины» дневного света, чтобы свыкнуться и понять – такова разновидность жизни, она есть, но она чуть уже. Они слюбились с липкими от пота подушками, слюбились с парашей, что периодически с дуновением ветра выдыхала у них в камере, они спокойно смотрели на себя в язвах.

– Вам отказную придется писать, слышали о такой?

Ира обхватила младенчика обеими пятернями, и крошечное тулово тут же спряталось под теплым байковым рукавом.

– Не буду, не буду ничего писать. Разрешите я его покормлю, а?

– Не успеете. Придется писать, вам возвращаться в камеру через пару минут. Ну куда вы его, с собой на нары?

– Покормлю разочек, и все.

Степаша посмотрел в окно, затем сел на соседнюю кушетку и, прижав ладони к лицу, будто молитву, стал что-то нашептывать.

– Ждите. Ждите, придумаем... Нет, давайте-ка поезжайте от греха подальше, сейчас эта «шпала» придет... Он обязательно настучит... он настучит точно...

– Да дайте же мне его покормить, наконец! На, малюта, на

грудь, ешь... ешь давай.

– Ну что же вы делаете-то, а?!

Степан Степаныч подскочил и стал наматывать круги возле кормящей мамочки, стыдливо он пытался приноровиться и взять новорожденного.

– Вы меня под уголовное толкаете, какого ж черта?!

И, как только Степашка закончил фразу, за дверь послышалась быстрая поступь конвоира. Через минуту он был уже в кабинете, начал снова принюхиваться.

– Степан Степаныч, ну чо, все?

Конвоир тихонько закашлял и в ту же минуту попытался чихнуть.

– Выйди отсюда.

– Так какого хера, мне скоро следующую везти!

Степаша занервничал и стал закрывать кушетку деревянной ширмой, она стояла здесь для особо сложных операций, для сокрытия мертворождений, но куда больше она походила на кукольный театр с белым занавесом. Ира прижалась к доктору и, уткнувшись ему в правый бок, стала тихонько постанывать.

– Поди давай, температура у младенца, пускай она кормит его пока!

– Какая температура, мне следующую надо везти!

– Вали, я сказал!

Скоро в комнате наступило безмолвие. В этом покое, где оставался один только лишний звук – бречание неугомонных наручников, наконец, появилось причмокивание. Это был главный и чуждый здешним местам плач новорожденного, убаюкивающий и одновременно будящий звук маленького человека, с первых минут попавшего под конвой.

– Спасибо вам, Степан Степаныч.

– Давайте пока так, я буду настаивать, что у него температура. Покормить времени хватит.

– Спасибо...

Степаша попытался отодвинуть ширму, но Ира вдруг взяла его за руку.

– Оставьте, пожалуйста. Так спокойней.

– Пока я разрешения не дам, вас никто не тронет.

– И вы с нами посидите, ладно?

– Посижу. Вы ведь понимаете, что я иду на должностное преступление, не смейте только привыкать к ребенку. Я дал возможность покормить – это святое право каждой матери, а вот воспитывать вам его никто не даст. Так что, пожалуйста, без истерик, тут такое право совсем не действует. Мамки не могут воспитывать детей там, где отбывают наказание...

– Знаю. Зато я смогу жить в доме матери и ребенка.

– Какой бред!

Степаша убрал руку, придвинул стул к кушетке и сел ближе.

– Да нет в нем места для матери. И это никакой не дом – конура, и то, слава Богу. Вам, конечно, могут разрешить приходить к сыну раз в день, но это все.

– Вот!

Ира радостно подскочила, младенец дернулся, и тут же сопение прекратилось.

– Тщ-щ-щ...

– Но что касается вас – вас отказную заставят написать. Скажут: пиши, и вы подпишете.

– Да я не стану! Да как вы вообще можете так говорить?! У вас дети-то хоть есть свои?

Степашка встал и вышел в коридор.

Коридор пропах курицей. Маленькая будка, казалось, соединила все точки схода и все линии перспективы в здании. Сейчас она пустовала, изображения в крошечных квадратах камер тоже остановились. На столике конвоира валялись поломанные зубочистки, серый гладкий тетрис с выпуклыми желтыми кнопками, алюминиевая вилка с тремя волнообразными зубчиками, но самого конвоира не было. В глухой тишине слышалось, как он где-то сморкался, как открывал кран, как вода поглощала какой-то фоновый тон, похожий на заунывную песню.

Степаша возвращался в кабинет, и вдруг, где-то на полдороги, услышав, остановился: «У моей России длинные косички, у моей России светлые реснички...»

– Кормите?

– Давайте на ты, что ж мы все... Ну, кормлю.

– Ир, а как вы... ты... сюда попала? Ну, то есть не конкретно

сюда, а на зону?

Ирина привстала, уложила младенца чуть ниже, укутала и уставилась в окно.

– И тут решетки. Они что, думают, что баба на сноснях способна бежать через окно?

Степаша улыбнулся и сел обратно на стул.

– Сейчас.

Ира глубоко вдохнула и слышно было, как, то ли от слабости, то ли от волнения, нос ее неравными порциями вобрал воздух.

Когда Ирише Солнцевой было двадцать, у нее родился сынок Сережа. Все детство она провела в детдоме, и потому Сереже было уготовано что-то совсем иное, куда более домашнее и приветливое. Вместе они поселились в коммуналке, мама уходила торговать в брезентовой палатке овощами, а сына оставляла там же, где оставляли и ее в детстве – в люльке. Но Сережа день и ночь кричал, его вопль проникал сквозь стены и умудрялся добраться прямо до хозяйской спальни, до самых хозяйкиных ушей. И потому вскоре молодой семье стали угрожать выселением. Через неделю Ира нашла укромное место где-то в самой глубине подвала соседнего дома, там, откуда вылетали только клоки пара и извечная вонь, туда же она втиснула и кроватку. Спустя три месяца у нее появился ухажер. На протяжении недели мальчик-студент, плененный голубыми глазами, ежедневно приходил за килограммом картошки, затем стал носить букетики, затем потащил на знакомство с родителями, а после все же решился и предложил ей съехаться. В тот день они лезли в подвал вместе, она первая, и он следом. Но Сереженька, все также привязанный за младенческие «нитки» запястий лежал в люльке мертвый. Он захлебнулся во время приступа эпилепсии, и на глазах у бывших соседей, она вытащила мертвого сына из тесной щели подвала. В тот же день Иру посадили, а при первом осмотре пожилой врач выяснил, что заключенная беременна.

– И шанса вам больше не дали.

– Посадили, кто станет шанс такой мамочке давать.

Степаша встал и снова пошел к будке. Длинный конвоир, опрокинув голову назад и чуть приоткрыв рот, тихо спал под

пледом, поломанные зубочистки лежали на столе и катались от постоянного сквозняка. В камерах до сих пор стояла тишина. Из угла доносился все тот же звук. Новый день начался несколькими сигналами, а затем откуда-то из глубины приемника пробилося радостное пение хора: «Солнце светит, ветры дуют, ливни льются над Россией...» Степаша на цыпочках добрался до кабинета и запер дверь.

— А если мой сын тоже заболеет, кто-то его станет спасать?

— Не знаю, вряд ли.

— А я бы этой ошибки снова не допустила. Я бы просила их: «Люди, да вы звери, в самом деле? Ради Бога, у меня родился желанный ребенок».

— А тут если вдруг карантин объявят, даже простого права мать лишат. Никто не даст с ребенком увидеться. Но это, опять же, говорю, если не подпишешь отказную. А ты подпишешь.

— Да вы что, в самом деле... да не подпишу я.

— А знаете, как происходит адаптация мамаш — их разлучают на три-четыре недели, будто бы карантин, просто, чтоб отучить ребенка от матери. Мамки как кошки потом разгуливают вокруг дома ребенка, чтоб хоть глазком увидеть своего. Короче, пишите отказную, хоть так, может, ребенку жизнь нормальную обеспечите. Его хорошая семья возьмет...

— Не буду! Я не буду этого делать! Вы хоть кого-нибудь в этой жизни любите?!

Степан замер и тут же растерянно, будто по команде выпалил:

— Сашку свою люблю. Детей люблю.

Ириша разрыдалась и уткнулась носом в подушку. Спустя десять минут она перестала стонать и весь барак уснул. Степаша наклонился к новорожденному, поправил простыню и отошел к столу мыть инструменты. За окном ритмично стучал дождь, звук проезжающих мимо машин тревожно заставлял торопиться. «Лишат, — думал Степаша, — все равно прав лишат. А нет, так вынудят подписать. И что тут лучше — Бог его знает. Ждет она в тюрьме ребенка и понимает, что вот он, тот самый момент, когда она смогла бы о нем заботиться, созрела, готова. И чувствует ведь, как покормить его, знает, что у него болит. А ее берут и лишают. И чего лишают — инстинкта же лишают».

Степан прилег на соседнюю кушетку и закрыл глаза.

На пятом курсе академии Степаша встретил светловолосую Сашу. Точь-в-точь, как у Иры голубые глаза, кудрявые светлые волосы и длинные, будто живущие в попытке дотянуться до бровей, пшеничные реснички. Все выпускные экзамены Степаша сдавал без подготовки – не до того было, «Любовь, знаете ли, господин профессор». Через семестр Степан поступил на работу в горполиклинику, а Саша его забеременела. Проконсультировалась у него, у него сдала все анализы и у него же просила аборт. Поначалу Степа размышлял, рассчитывал расходы и доходы, а когда вспомнил о грядущих успехах в акушерстве и медицине, сам открыл шейку матки, сам ее выскоблил и сам проверил наличие всех частей тела своего ребенка и соответствие его массы сроку их с Сашей гестации. Сразу на следующий день Саша уехала к родителям и больше в городе не появлялась.

Степаша встал, подошел к столику и продолжил занятие. «Утилизация, – подумал он, намывая акушерские щипцы, – кругом сплошная утилизация». Затем он отложил инструменты, подошел к Ире и тихо, почти в такт сопению новорожденного, стал будить ее.

– Успевай, жалеть потом будешь, что мало с ним времени провела. Покорми еще, еще понянчи чуток, а то скоро за тобой автозак...

– Как? А как же наша температура?

– Я не могу пойти на это, понимаешь, я уже говорил: это должностное преступление.

Ириша снова разрыдалась и, не обращая внимания на сон младенца, стала бить кулаками о постель:

– Да ты ирод, что ли. Да тебе сложно, что ли? Денек хоть!

Степашка остановился, тяжело вздохнул и вышел за дверь. «Шпала» конвоир бросился ему навстречу и стал бравурно размахивать руками и что-то показывать.

– Ты чего?

– Степан Степаныч, гражданин начальник, там к вам...

– Ну кто?

– Да там начальник!

– Твою мать, у тебя все начальники...

– Серьезно! Чо там, температура есть хоть, а то же пиздец, головы у всех полетят.

Степашка побежал в кабинет, где Ира снова укачивала сына и смотрела на окна. Дождь уже ослабел, колючка по периметру и «реснички» на небольших окошках почти просохли.

– Давайте так, я по-быстрому сейчас состряпаю вам диагноз и час ты сможешь побыть с ребенком, а ты слушаешься меня и делаешь все, как я скажу, пойдет?

– Спасибо!

– Пойми, у твоего ребенка есть шанс быть усыновленным хорошей семьей, а если ты его тут оставишь, он проведет свое детство еще хуже, чем твой первый. Еще и по судам затаскают... Думай не о себе, думай о сыне. Откажись от него, подпиши все.

В этот момент Степашку прошиб пот. Ириша уселась на кушетку, выпрямила сухощавые ноги и, словно саранча, склонилась над сыном и стала копошиться, пытаясь распутать его пеленки.

– Сына мой, сына.

Затем она резво закинула ноги на кушетку и, задыхаясь, стала его укачивать.

– Ирочка. Ир, слышишь меня?

– Вы правы. Спасибо. Спасибо вам. Вы хороший, вы очень-очень хороший.

Степашка наморщил лоб, обтер руки об халат, выдохнул и отвернулся к выходу.

– Знаете, я решила назвать сына Степкой.

– Зря.

Степаша вышел в коридор, конвоир стоял на том же месте. Он напевал все ту же заунывную песню, но в тот момент, когда пора было набрать воздуха и продолжить следующий запев, на пороге появился мужчина с широкими зелеными плечами и двадцатимиллиметровыми звездочками на продольной осевой линии погона.

– Здравия желаю, товарищ доктор.

– Здравия...

– Ну как у вас тут?

- В палате одна...
- Я в курсе, Солнцева. И как?
- Родила мальчика.
- Сделали что положено?
- Да. Она откажется. Она подпишет.

Через час серый автозак с загаженным кузовом, с комами грязи по всему периметру и толстенными от глины колесами снова распахнул дверцы. Высокий конвоир, потирая глаза, тащил разродившуюся Иришу к машине и громко вопил: «Давай, мамочка, иди уже!».

На согнутых ногах, в длинном зеленом плаще, уже не столько похожая на саранчу, сколько на хворостину, Ира забралась в кузов и забилась в самый-самый угол. Она больно думала о Степке-сыне и тепло вспоминала о Степке-докторе, о людях, ставших ей за эти сутки самыми родными.

Об авторе: ПОЛИНА КЛЮКИНА

Родилась в 1986 году в Перми. Окончила художественно-графическое отделение пермского педагогического училища № 4, Пермский государственный институт искусств и культуры по специальности «режиссер театрализованного коллектива». Окончила Литературный институт, семинар Алексея Варламова. Живет в Москве, работает журналистом. Лауреат премии «Дебют» 2009 года. Neкаýalar